

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/GNODXO>
УДК 821.111.0
ББК 83.3(4Вел)4

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В АЛЛЕГОРИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ «ВИДЕНИЕ О ПЕТРЕ ПАХАРЕ»: ЗЕМНОЕ И НЕБЕСНОЕ

© 2026 г. В.С. Сергеева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 25 января 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 01 декабря 2023 г.

Дата публикации: 25 марта 2026 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-1-32-49>

Аннотация: Аллегорическая поэма «Видение о Петре Пахаре» представляет собой одно из ключевых произведений средневековой религиозной литературы. В основе поэмы лежит реально-исторический материал той эпохи, когда она была создана (последствия эпидемии чумы, статуты о рабочих, социальные конфликты в Англии второй половины XIV в.) — многие средневековые авторы черпали сюжеты и образы из действительности, описывая состояние общества, пораженного свыше за стяжательство и гордыню. Исторические события давали стимул развитию богословской мысли, а также влияли на практику повседневной христианской жизни. Увеличение числа бедняков, разногласия между работниками и работодателями, изменившиеся условия благотворительности заставляли переосмыслить такие ключевые концепты, как братская любовь, милосердие, божественный порядок. Для Ленгленда, для которого реальность была в первую очередь поводом для разговора о вневременном, это особенно актуально. Из изображения конкретных эпизодов социального недовольства растет не осуждение того или иного сословия, а тема любви, долга и спасения души; образ Расточителя, не желающего трудиться ради общего блага, оказывается применим к представителю любого слоя общества, от земледельца до аристократа.

Ключевые слова: Ленгленд, средневековая литература, английская литература, видение, общество, теория и практика комментария, богословие

Информация об авторе: Валентина Сергеевна Сергеева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. <https://orcid.org/0000-0003-4693-7723>

E-mail: yogik84@mail.ru

Для цитирования: Сергеева В.С. Социальная проблематика в аллегорической поэме «Видение о Петре Пахаре»: земное и небесное // Studia Litterarum. 2026. Т. II, № 1. С. 32–49. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-1-32-49>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 1, 2026

SOCIAL PROBLEMATIC IN THE ALLEGORIC POEM *VISION OF PIERS PLOWMAN*: WORLDLY AND HEAVENLY

© 2026. Valentina S. Sergeeva

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: January 25, 2023

Approved after reviewing: December 01, 2023

Date of publication: March 25, 2026

Abstract: The allegorical poem *Vision of Piers Plowman* is one of the key works of the medieval religious literature. The poem is based on the real historical material of the epoch where it was written (consequences of the plague, statutes of labourers, social conflicts in England of the second half of the 14th century); many medieval authors drew topics and images from the contemporary reality while describing the disastrous state of the society chastised by God for its pride and covetousness. Historical events inspired the development of the theological thought and influenced everyday practice of Christian life. The increasing numbers of paupers, tension between labourers and their masters, changed condition of almsgiving made people rethink such key ideas as brotherly love, charity and the divine order. It is especially actual for Langland who held the reality to be, first of all, a reason to talk about eternal. Not a condemnation of this or that estate follows from the specific episodes of social discontent, but a theme of love, duty and salvation; the image of the Waster (Wastour) who does not want to work for the general good is applicable to a representative of any class, from a husbandman to an aristocrat.

Keywords: Langland, medieval literature, English literature, vision, society, commentary theory and practice, theology

Information about the author: Valentina S. Sergeeva, PhD in Philology,
Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian
Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
<https://orcid.org/0000-0003-4693-7723>

E-mail: yogik84@mail.ru

For citation: Sergeeva, V.S. "Social Problematic in the Allegoric Poem *Vision of Piers Plowman*:
Worldly and Heavenly." *Studia Litterarum*, vol. 11, no. 1, 2026, pp. 32–49. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-1-32-49>

Когда речь идет о средневековых аллегорических произведениях, элемент социальной сатиры в них представляется наиболее «привязанным» к конкретной исторической реальности. Если, рассуждая об общих богословских вопросах, автор может минимально прибегать к конкретике (как, например, в известной аллитерационной поэме «Жемчужина»¹), то, к примеру, тема трех сословий, проблема долга и обязанностей одних людей перед другими обыкновенно опирается на реальное состояние общества в современную автору эпоху, на конкретные проблемы, события, законы, установления. Для Уильяма Ленгленда, автора аллегорической поэмы «Видение о Петре Пахаре», живой реальностью были статуты о рабочих², временничество герцога Ланкастера и заседания Доброго парламента³, наконец, крестьянское восстание 1381 г. под предводительством Уота Тайлера. Всё это следует учитывать при анализе текста и составлении комментария к «Ви-

1 Хотя, несомненно, описание «града Божьего» связано с реальной средневековой урбанистикой.

2 Первым актом рабочего законодательства был «Ордонанс о рабочих и слугах», изданный королем Эдуардом III и его советом 18 июня 1349 г. За ним последовал Статут о рабочих 1351 г. Потребность в подобных законах была вызвана тем, что после эпидемии чумы, унесшей от четверти до трети населения Англии, наемная рабочая сила ощутило вздорожала, особенно в деревне. Постепенно изживала себя система крепостной зависимости, при которой крестьяне (сервы) были обязаны своим господам бесплатными отработками. Статуты пытались искусственно снизить заработную плату: она устанавливалась исходя из расценок прежних лет, рабочим грозили наказаниями и штрафами, им запрещалось без разрешения покидать хозяев и т. д.

3 Такое название получил английский парламент 1376 г.; его собрание, длившееся с 28 апреля по 10 июля, было самым долгим до тех пор. Своим названием этот парламент обязан усиленным попыткам реформировать правительство, не пользовавшееся популярностью у населения; он сразу обрел себе врага в лице Джона Гонта, герцога Ланкастера, фактического правителя страны до совершеннолетия Ричарда II.

дению». Важность этих исторических событий для сюжета поэмы (и их несомненное влияние на популярность, которой пользовался «Петр Пахарь») отмечает, в том числе, первый переводчик и комментатор поэмы Д.М. Петрушевский [1].

Однако перед нами встает не только вопрос «о чем», но и «зачем» — с каким намерением автор вводит в поэму более или менее злободневный материал. Внешне Ленгленд может представлять типичным консервативным автором, призывающим к сохранению традиционной системы «молящихся, воющих и работающих» и предлагающим в качестве решения социальных проблем — терпение и довольство малым.

Большое бремя гнетет богатых,
Путь преграждает, ставит препоны —
Ita impossibile diviti, etc.
Бедняк же бежит впереди беспечно,
Opera enim illorum sequuntur illos,
Зычно и звонко зывая к небу,
За труд и терпенье блаженства требуя.
Beati pauperes, quoniam ipsorum est regnum caelorum.
В богатых бывает соблазн бесовский —
Грех гордыни в душе гнездится;
Бурь не боится кроткая бедность.
Семь смертных грехов там крова не сыщут;
Где бедность безгневна — они бессильны.
Смирненно служит за скудный ужин
Бедняк богатым, безмолвный, кроткий;
Вовек враждует с гордыней кротость,
Смиренье дьяволу ненавистно.
<...>
Сам Спаситель родился смирен и беден.
Так, требовать вправе бедняк терпеливый
На небе награду за все несчастья.
<...>
Прилежная, платы не просит бедность
Сверх должного, будь то зимой иль летом,

Лихвы не хочет — с тем вхожа к Богу.
 Negotium sine damno.
 Сладка, как сахар, — слаще не сыщешь,
 На славу сдобрена бедность смиреньем
 И трезвостью также, на пользу телу [13]⁴.

Однако реальные исторические события становятся для автора поэмы не только поводом к бытописательству и рассуждениям на социальные темы, но и в первую очередь отправной точкой для разговора о Боге и человеке. Политические, социальные, экономические изменения в Англии XIV в. напрямую влияют на круг обсуждаемых богословских вопросов и на саму практику христианской жизни.

Долгое время нуждающиеся воплощали своего рода «сакральную бедность»: их присутствие должно было оказывать реформирующее воздействие на более обеспеченных соседей, заставляя их вспоминать о спасении души и бренности мирских благ и регулярно упражняться в сострадании и благотворительности. Бедняки, в свою очередь, молились за благотворителей, а кроме того, в отсутствие роскоши и соблазнов по умолчанию считались праведнее богачей. Заметный рост числа бродяг и нищих после эпидемии чумы всерьез обеспокоил обеспеченную часть общества, особенно в связи с тем, что этот рост не удавалось контролировать. В XIV в. в Англии начался процесс, который можно назвать десакрализацией бедности. В силу своей мобильности, а также всё возрастающего количества и склонности собираться большими группами бедняки из «душеспасительного меньшинства» превратились в угрозу для благосостояния общин. По-прежнему признавалось, что христианин должен сочувственно относиться к беднякам и облегчать их страдания, щедро подавая милостыню, однако все чаще светские и церковные авторитеты утверждали, что помогать следует лишь откровенно беспомощным, в первую очередь вдовам, сиротам и старикам, но никоим образом не тем, кто может прокормиться собственным трудом (см. подробнее, например: [7; 2; 3; 4; 5]).

Специалисты по церковному праву начала XIV в. признавали, что некоторые люди злоупотребляют оказанной им благотворительностью,

4 Здесь и далее перевод наш. — В.С.

и советовали подавать с разбором, в целом считая подобные злоупотребления своего рода нравственным извращением. Общим принципом оставалось «лучше сделать больше, чем меньше», и, как правило, предписываемые ограничения имели благую цель — гарантировать помощь истинно нуждающимся и не принести своим даянием вред, укрепив человека в грехе праздности. Однако представление о том, что благотворительность должна жестко регулироваться, как если бы ее основной задачей было скорее исключить недостойных, чем помочь нуждающимся, исподволь входило в общую практику. На протяжении XIV в. этот принцип постепенно, отчасти вынужденно становился основой благотворительности.

Во второй половине века традиционное представление о благотворительности столкнулось с почти непреодолимыми социальными и экономическими сложностями; благотворители разрывались между невозможной задачей помочь всем нуждающимся и естественным желанием урегулировать и подавить бродяжничество, заклеить «мятежных» и «буйных» бедняков. Это отношение к бедности явственно отражено в проповеди “*Defensio Curatorum*”, написанной и произнесенной в 1357 г. епископом Ричардом Фиц-Ральфом. Обращаясь к Евангелию от Луки⁵, он комментирует его, отчетливо разграничивая достойных и не достойных помощи бедняков: «Бедняков, которые крепки и сильны, не следует звать на это пиршество, ибо они должны трудиться <...>. Сказано у Павла: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» [8, р. 186].

Столь кардинально изменившееся понимание нравственного закона применительно к помощи бедным отразилось в знаменитых Статутах о работниках, в тех параграфах, которые воспрещали подавать милостыню трудоспособным нищим. Так, ордонанс 1349 г. под страхом тюремного заключения запрещал помогать «под предлогом жалости и милосердия» тем, кто здоров и крепок, поскольку «дюжие нищие» — сплошь не достойные помощи бездельники, которые «отказываются работать, предаваясь праздности и пороку, а иногда воровству и прочим преступлениям» [11]. Физически здоровых нищих, которые отказывались трудиться, следовало сажать

5 «Когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых, чтобы и они тебя когда не позвали, и не получил ты воздаяния. Но, когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых, и блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресение праведных» (Лк. 14: 12–14).

в колодки или держать в тюрьме, пока они не согласятся работать. Отказ в помощи, таким образом, должен был подвигнуть их «добывать себе пропитание трудом» [11].

Один из аллегорических персонажей «Видения о Петре Пахаре», Голод, утверждает (см. цитату ниже), что подлинным нищим следует подавать щедро, а тех, кто мог бы зарабатывать себе на пропитание, снабжать лишь минимально необходимым, чтобы они не умерли от истощения. Подкрепляя свою точку зрения, Голод цитирует притчу о талантах (в его интерпретации дурной слуга — в первую очередь лентяй, который не желал потрудиться и потому не преумножил данный ему талант). Казалось бы, это вполне разумно и здраво, однако Петр Пахарь, явно не удовлетворенный, упорно допытывается у Голода: «Не совершу ли я греха, если сделаю так, как ты говоришь?» И в этом — отражение характерных для эпохи споров о благотворительности, волновавших не только знатоков церковного и светского права, но и обыкновенных людей, желавших вести деятельную христианскую жизнь в миру. Благотворитель, подающий милостыню «с разбором», движим уже не заботой о ближнем, а стяжательством; излишнее любопытство к мотивам просящего может породить в душе дающего гордыню и высокомерие взамен сострадания.

Можно сказать, что вариант, предлагаемый Голодом, отражает сложившиеся в обществе стереотипы, узаконивающие враждебность к «недисциплинированным» беднякам, которые уже не ждали терпеливо помощи от общины, но требовали, зачастую агрессивно. Стигматизация и демонизация бедности и бедняков становится ясно выраженной тенденцией. Так, вышеупомянутый Ричард Фиц-Ральф дает понять, что бедность — зло и последствие греха; недаром, согласно Священному Писанию, «бедного ненавидят все братья его» (Притч. 19: 7). Хотя изначальной целью проповеди Фиц-Ральфа были нищенствующие ордена, тем не менее бедность он обличает всеобъемлюще: богатство угодно Господу, поскольку оно есть и на небесах, следовательно, отсутствие богатства — дурной знак. Учитывая экономический и социальный кризис, в котором оказалась Англия в XIV в., представление о бедности как последствии греха и порока было неизбежно; оно привело к дискредитации бедности в целом, к широко распространенному убеждению, что нужда — если ее причиной не было какое-либо очевидное несчастье — является заслуженной карой.

Если Новый Завет предписывал сострадание и милосердие ко всем, даже к традиционным носителям социальных стигм, наподобие женщины, взятой в прелюбодеянии, то конкретная практика благотворительности стала активно обсуждаемой проблемой в эпоху Средневековья. Ранние отцы церкви предлагали различные ответы на вопрос о том, следует ли оказывать помощь неограниченно и одинаково, кто бы за ней ни обратился, или же нравственное делать некоторые ограничения. Позднейшие специалисты по церковному праву обычно обращались к таким авторитетам, как святой Иоанн Златоуст, святой Амвросий и святой Августин, причем высказывания первого приводили в поддержку неограниченной помощи всем нуждающимся, а к последним двум прибегали, доказывая необходимость внимательного выбора. Практическая реализация «благотворительности с ограничениями», разумеется, заставляла задуматься о том, кто достоин помощи, и можно ли использовать благотворительность как инструмент исправления тех, кто за помощью обращается.

Так, Августин, настаивавший на благотворительности с разбором, недвусмысленно воспрещал оделять тех, кто уклоняется от работы и ведет дурную жизнь, поскольку помогать таким людям значит поощрять их пороки и праздность. «Не всякий, кто дает пощаду, друг, и не всякий, кто наносит удар, враг. Лучше любить со строгостью, нежели обманывать с невинностью. Лучше забрать хлеб у голодного, если он пренебрегает праведностью, потому что уверен в пропитании своем, чем отломить хлеба голодному, чтобы этим совратить его на неправедность» [10]. Одевать людей, погрязших в грехе, морально приемлемо лишь в том случае, если они дошли до крайней степени нищеты и помощь необходима им для поддержания жизни; но во всех других случаях милостыня лишь повредит им. Несомненно, предпочтение должно отдаваться не тем, кто погряз в мотовстве и распутстве, а тем, кто стар, слаб, немощен, оказался жертвой несчастного случая или слишком стыдлив, чтобы просить о помощи публично. Иоанн Златоуст, с другой стороны, поощрял всех христиан подавать милостыню, не подвергая рассмотрению того, кто обращается за помощью: «Но, скажешь, из них есть много обманщиков и неблагодарных. Тем большая будет тебе награда, если примешь их во имя Христова. Если ты уверен, что они обманщики, то не принимай в свой дом; если же не уверен, то для чего осуждаешь без разбора? Потому, скажешь, я и отсылаю их в странноприимницу. Но какое мы

имеем оправдание, если и тех, кого не знаем, мы не принимаем, но запираем двери для всех» [9].

Постепенно развивалось и представление о специфических недостатках, присущих беднякам. В их числе — суеверие, алчность, недостаточное усердие в вере, богохульство, зависть. «Грехи бедняков», на которые пастырям следовало обращать усиленное внимание, явно противоречили тем добродетелям — терпению и стойкости, которые традиционно приписывались бедным труженикам. Автор пособия для исповедников, доминиканец Гумберт Римский (ок. 1200–1277) отмечает: бедняки понимают, что «их труд — бесконечное наказание и проклятие, ибо из-за Адама человека постигло такое несчастье»; они «проклинаят день, когда родились на свет для того, чтобы стать земледельцами» [6, р. 113]. Не зря первым (не считая Адама) земледельцем был злобный Каин; путь Каина — стяжательство, зависть, отказ от невинности и щедрости, подчеркнуто насильственное извлечение благ из земли. Поэтому беднякам следует всячески стараться, чтобы не последовать его примеру. Они должны совершать добрые дела сообразно своему положению, исправно посещать приходскую церковь, безропотно платить десятину и налоги, по возможности подавать милостыню. “*Communiloquium*” францисканца Джона из Уэльса (пособие для священников и проповедников, вторая половина XIII в.) также содержит перечень присущих беднякам грехов; в их числе — мошенничество, воровство, ложь, распутство и приверженность чувственным удовольствиям. Ленгленд в «Видении Петра Пахаря» дает понять, что сама по себе бедность не делает человека праведным, хоть и минимизирует количество соблазнов; хороша лишь та бедность, которую переносят терпеливо, не утрачивая добродетели. Аллегорический персонаж Чревоугодие, растративший в кабаках свое имущество и вынужденный ходить в обносках, далеко не праведник.

Справедливо или нет, но средневековые авторы, очевидно, делают попытки разобраться в «психологии бедности». Они приходят к выводу, что добродетельная бедность — в первую очередь бедность добровольная, результат сознательного решения, а не просто «скарденная нужда»; последняя вряд ли способствует развитию высоких нравственных качеств. С большей вероятностью она подвигнет человека на воровство и лжесвидетельство, чем на благочестие. Недостаточно просто быть бедным, что-

бы считаться «хорошим»; апостольская бедность ставится выше бедности Лазаря.

Современник Ленгленда, Джон Гауэр, в аллегорической поэме «Глас вопиющего» (*Vox Clamantis*) изображает бунтующих, недовольных своим положением крестьян в виде лишенных разума животных, которые отказались выполнять свои обязанности (быки не желают тянуть плуги, собаки — загонять дичь и т. д.) и должны быть силой приведены к повиновению. Ленгленд предлагает более обобщенный образ Расточителя (*wastour*), включающий всех, кто не желает своим трудом увеличивать общее благосостояние и/или впустую растрчивает то, что имеет, вместо того чтобы употребить свое добро на помощь ближнему. Расточительство определяется достаточно широко: это и аристократ, который тратит деньги на увеселения и дорогие наряды, и обжора, который объедается без меры, и ленивый работник, и скупой стяжатель, и мнимый нищий.

Настоящий апофеоз борьбы с расточительством представлен в части (*passus*) 6, когда Петр Пахарь предлагает паломникам, сбившимся с пути в поисках Истины, помочь ему на поле. Часть путников охотно соглашается, но некоторые предпочитают оставаться праздными.

Слепыми представились, испугавшись,	Я служу ему исстари, и велел он следить
мошенники,	мне,
Колени скрючили, как калеки мнимые,	Чтоб вреда не чинили вы работникам
И просили прегромко у пахаря милости:	верным.
«Трудиться нам нечем, слава Богу	Даром тратите то, что трудом достается,
навек,	Но научит вас Истина направлять
Но помолимся, Петр, за тебя и твой	упряжку,
плуг мы:	Иль придется пить воду вам и есть хлеб
Урожай твой умножит пусть Господь	ячменный.
Вседержитель	<...>
И пошлет тебе помощь за твое подаянье —	Расточитель же Роберт не получит
Ведь работать ретиво хворь не дает	ни крошки,
нам». И бродячие братья — кроме берущих	
Петр промолвил: «Правда ль сие, я узнаю.	Позволение епископа, чтоб идти
Вы моты, мне ведомо — и известно	проповедовать».
Истине.	<...>

Расточитель разгневался, стал рваться	«Наказал ты, как надо, расточителей
в драку,	наглых
Пред пахарем наземь перчатку бросил.	Но, покуда ты нас не покинул,
Бахвал бретонец ⁶ разбушевался:	прошу я —
«Засунь себе в зад ты плуг свой,	Скажи, что сделать с всякими нищими?
заморыш!	Как сгинешь ты, знаю, не заставишь
Спорь иль не спорь, что хотим, то	трудиться их;
и сделаем —	Лишь несчастье нынче нудит их
Муку и мясо отнять мы можем,	к кротости —
На отвал наедемся, негодуй как угодно!»	Приказам покорны от нехватки пищи.
Тут Петр Пахарь попросил рыцаря	Коль Господь искупил нас, все мы
Слово сдержать, от волков сберечь его,	кровные братья;
От расточителей, миру вредящих,	Сказал мне Истина, что любить их
Что мотают, не множат — «а тем	следует,
временем многие,	Приходить на помощь, если придется.
Пока плуг мой празден, жить будут	Ты теперь показал мне, кто трудиться
впроголодь».	умеет
К расточителю рыцарь обратился	И как нужно над ними в деле
учтиво,	начальствовать».
Покуда не поздно, призвал исправиться:	«Слушай, — Голод сказал, — и впредь
«Иль по праву тебя закон покарает!»	тому следуй:
«Не работал я раньше, да и впредь	Пусть пищу заслужат попрошайки
не буду!»	дожие.
Стал смеяться мот над его словами —	Довольно, коль дать им дешевого хлеба
Мол, Петр с его плугом плевка не стоят —	Иль бобами набить до отказа брюхо.
Пригрозил побоями друзьям Петровым.	Коль ворчать вздумают — вели им
«Клянусь, что скоро вас накажу я!»	работать;
И Петр призвал Голод, и тот примчался.	Слаще станет кусок, коль сперва
«Покарай расточителей, вредящих	заслужить его.
людям!»	Несчастных не мнимых, негодяем
<...>	обиженных

6 В эпоху Столетней войны между Англией и Францией «бретонец» очевидно не было положительной характеристикой.

Иль суровой судьбой, распознать сумей	Небрегли нищие хлебом нечистым,
ты;	А просили получше — пшеничного,
Поделись добром с ними, дай Христа	белого;
ради —	Эль дешевый давать им и не думайте —
Возлюби их и выручи, как Бог велел	Лишь лучший в городе люб тем
нам.	бродягам.
Alter alterius onera portare.	Работники разные, что руками трудятся,
Всем, кого встретишь, внимай	Жевать не желали коренья на ужин,
в их бедах,	Пить эль за пенни, ветчину есть
С неимущими, нищими делись нескупо;	постную —
Люби их, ладь с ними — пусть Бог лишь	Мясо, рыбу морскую, печенную в масле,
судит.	Им подай, с пылу с жару, не на пользу
Коль сделают зло тебе — как быть,	утробе,
Он знает:	Да побольше плати, иль тебя
Mihi vindictam, et ego retribuam.	проклянет он
Коль в глазах Господа стать хочешь	И день, в который работником сделался;
угоден,	Станет сетовать, слов Катона не зная:
Поступай по Писанию, будь любим	Raupertatis onus patienter ferre memento.
простым людям,	С Здравым Смыслом спора, гневит он
И благодать Божья с тобой пребудет.	Создателя,
Facite vos amicos de Mammonae iniquitatis.	Клянет короля, зовет окаянством
<...>	Злые законы, что чинят затрудненья
Расточитель работу оставил и скрылся,	[13].

Каждое сословие определяется в том числе своим занятием: священнослужитель молится, рыцарь сражается, крестьянин трудится. Для Ленгленда это разделение не плохо само по себе: социальная иерархия — безусловно позитивное явление, до тех пор пока все имеют в виду общее благо. Несколько раз на протяжении поэмы аллегорические персонажи поощряют людей действовать сообща, с тем чтобы сословия помогали друг другу (например, в упомянутой выше сцене пахоты). Петр Пахарь распределяет труд между представителями сословий, так что все оказываются приставлены к делу, для которого пригодны; крестьянин готов производить еду для рыцаря, если тот будет защищать земледельцев. Сходным образом Благодать наделяет людей, составляющих христианское сообщество, талантами

и способностями, чтобы они могли заниматься разными профессиями ради общего блага; только в этом случае будут побеждены праздность, зависть и гордыня. Впрочем, трудно не заметить, что в рамках поэмы эта идеализированная структура неизбежно терпит крах. Достаточно нескольких себялюбцев, чтобы гармоничное общество рухнуло.

С точки зрения идейного наполнения поэмы Ленгленд — автор, в духе своей эпохи призывающий к терпеливой бедности и умению довольствоваться малым. Божественная справедливость — ценность, превосходящая справедливость земную, которая неизбежно начинает колебаться, стоит хотя бы некоторым людям отречься от истины; последствия стяжательства, которому подвержены и великие, и малые, отражаются на всем обществе. Рыцарь оказывается не в силах дисциплинировать лентяев; Петр вынужден призвать Голод, от которого страдают все, не только расточители, но и усердные работники. Так себялюбцы и стяжатели закладывают своего рода порочный круг, из которого невозможно выйти за счет простого и понятного политического решения — только за счет горячего *личного* желания исправить свою жизнь. Конечно, хороший правитель должен поддерживать закон, хотя бы и посредством репрессий, однако идея обеспечения общественного порядка вторична перед идеей спасения души, поэтому Ленгленда в целом не интересуют меры, которые могут применить люди друг к другу. Что следует лордам делать с непокорными работниками? Как нужно восстанавливать порядок? Имеют ли право недовольные работники искать лучшей доли? Те, кто проявляет нетерпение, порицаются, но гораздо суровой осуждаются те, кто вынуждает бедняков голодать; однозначного ответа в поэме нет, и разные персонажи спорят друг с другом — сложно сказать, кто из них выражает точку зрения автора (повествователь здесь скорее сомневающийся «простак», чем резонер). В любом случае общественный порядок тесно связан с порядком божественным, а божественную гармонию невозможно восстановить, направив отряд рыцарей подавлять недовольных крестьян: если стяжательству и гордыне предались все сословия, «слепые будут вести слепых».

Расточители у Ленгленда не перестают быть людьми. В «Гласе вопиющем» Гауэра недовольные крестьяне — огнедышащие кровожадные чудовища, восстающие против Бога. Эти звери-мятежники объединяются под предводительством болтливой галки (Уот Тайлер) и штурмуют стены Трои (т. е. Лондона). Побежденные защитники города садятся на корабль (сим-

волизирующий лондонский Тауэр), однако и в море их преследует неразумная стихия. Превратившиеся в животных люди ржут, мычат, блеют, лают и воют, они не понимают сами себя, не могут быть поняты другими, да и вряд ли достойны понимания. Общество, по Гауэру, нуждается в социальной гармонии, которая может быть достигнута посредством мудрого правления, однако никто не исполняет своей предначертанной свыше роли: правители неразумны, их советники подкупны, священство предалось мирской суете, работники ленивы. Тем не менее именно крестьяне издают зверообразный боевой клич, объявляя войну всем сословиям, и vox roruli оказывается обращен против них. Для Гауэра это — совокупные «они», «ленивые, нищие и жадные» [12, р. 217]. Закон должен «срезать вредоносные отростки, пока они не вырвали с корнем благородное зерно; если не поразить их первыми, крестьяне нанесут удар свободным людям, как бы те ни были важны и знатны» [12, р. 217]. Пораженные проклятием, крестьяне превращаются в животных (ослов, свиней, собак, птиц), однако их природа искажена: свиньи больше похожи на диких кабанов, собаки — на волков, куры — на стервятников. Они грабят, убивают, жгут, совершенно лишившись дара речи. Призыв Уота Тайлера страшен:

Вы, несчастный рабский род, который долгое время подавляли при помощи закона, смотрите — ныне настал день, когда крестьяне восторжествуют и заставят свободных людей оставить свои владения. Пусть чести придет конец, пусть сгинет справедливость, пусть добродетель, которая ранее существовала, покинет мир. Пусть отступит закон, который удерживал нас в повиновении своим судом, и пусть отныне правит наш двор [12, р. 41].

Притязания Расточителя у Ленгланда далеко не так масштабны. Ленивый мот, не желающий трудиться скорее комичен, чем страшен — рыцарь не может справиться с ним не потому, что Расточитель слишком силен, а скорее потому, что рыцарство также не выполняет своих обязанностей. Даже там, где Ленгланд прибегает к животной аллегории, пересказывая знаменитую басню о коте и колокольчике, перед нами не перевоплощение, а иллюстрация, своего рода одушевленная цитата. Кот, который терзает крыс и мышей, символизирует неразумную власть в ее худшем виде — произвольную и жестокую. Тем не менее власть крыс вряд ли была бы лучше. Они

не представляют бунтующих крестьян — скорее, себялюбивое деструктивное общество, которое удерживает в повиновении только страх (и наилучшее внутреннее средство для тех, кто это общество составляет, — «смотреть за собой», а не искать изменений).

Проблема для автора «Петра Пахаря» заключается не в том, что работники восстают против хозяев, крестьяне против лордов, а в том, что нарушается божественный порядок: вместо того чтобы «приобретать» и помогать друг другу, люди «расточают» и думают о собственном благе. Гауэр ассоциирует себя с жертвой стихии, у Ленгленда рассказчик — наблюдатель и иногда участник; недаром присланное от Истины «прощение» он читает, стоя прямо за спиной у персонажа-священника⁷.

Полученное «прощение», несомненно, адресовано столпам и представителям общества: перечисленные в нем условия отпущения грехов относятся к Петру и его помощникам, к королю и рыцарям и, наконец, к епископам. Иными словами, «прощение» обращено ко всем трем сословиям, при условии, что они будут исполнять взаимные обязательства и, следовательно, поддерживать функционирование общества. Отдельно вынесены две социальные группы — торговцы и юристы. Те и другие — изгой тройственной системы; купцам, как и законникам, сложно достичь спасения — недаром касающееся торговцев «приписано на полях». Всеобщность прощения, заключается скорее в единомыслии и совместном возврате на истинный путь, чем в непременном введении торговцев и законников в традиционную тройственную систему.

Кто разной работой прокорм добывает
И плату просит лишь ту, что положено;
Кто сердцем смирен и в любви жил век свой,
Получит прощенье, так же, как Петр.
Назойливых нищих нет в той булле,
Подаянья просящих без веской причины.

7 Заметим, что в версии В поэмы присутствует весьма эмоциональный эпизод: Петр Пахарь разрывает полученное «прощение», как бы не удовлетворившись его трактовкой. В более поздней версии С эта сцена отсутствует. Возможно, правка была внесена после крестьянского восстания 1381 г., в ходе которого мятежники убили Саймона Садбери, кентерберийского архиепископа. Сцена, в которой крестьянин столь вызывающе ведет себя в присутствии священнослужителя, могла выглядеть двусмысленно.

Кто кланчит и ноет, не впавши в крайность,
Лжив, как лукавый, бедных хлеба лишает,
В заблужденье невольное вводит дающего:
Прознав про обман, тому бы подали,
Кто в нужде настоящей, бедняк неимущий [13].

Из осуждения работников, не желающих довольствоваться своей участью, вырастает тема милосердия, одна из ключевых для «Видения». Из социальной тематики, которая сама по себе способна ограничить восприятие Ленгленда как консервативного «певца трех сословий», не желающего никаких изменений, исходит основная проблематика поэмы — богословская, неуклонно возвращающая читателя к идее братской любви.

Список литературы

Исследования

- 1 *Петрушевский Д.М.* Видения Ленгленда и современная ему английская действительность // *Ленгленд Уильям. Видение Уильяма о Петре Пахаре* / пер. и вступ. ст. акад. Д.М. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 5–40.
- 2 *Adams R.* The Nature of Need in Piers Plowman XX // *Traditio*. 1978. № 34. P. 273–301.
- 3 *Aers D.* Piers Plowman and Problems in the Perception of Poverty: A Culture in Transition // *Leeds Studies in English*. 1983. № 14. P. 5–25.
- 4 *Aers D.* Piers Plowman: Poverty, Work, and Community // *Community, Gender, and Individual Identity: English Writing, 1360–1430*. London: Routledge, 1988. P. 20–72.
- 5 *Arnold D.* Famine: Social Crisis and Historical Change. Oxford: Basil Blackwell, 1988. 154 p.
- 6 *Hanska J.* “And the Rich Man also died; and He was buried in Hell”. The Social Ethos in Mendicant Sermons. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1997. 196 p.
- 7 *Hess D.B.* “Of beggeris and of bidderis what best be to doone?»: The Problem of Poverty in Piers Plowman: PhD Dissertation. University of Tennessee, 2008. 214 p.
- 8 *Metzler I.* A Social History of Disability in the Middle Ages: Cultural Considerations of Physical Impairment. New York; London: Routledge, 2013. 346 p.

Источники

- 9 Деяния апостолов, глава 21. Толкователь: Иоанн Златоуст святитель. URL: <https://ekzeget.ru/bible/deania-apostolov/glava-21/tolkovatel-ioann-zlatoust-svatitel/> (дата обращения: 19.01.2023).

- 10 Толкования на 2 Кор. 12: 9. URL: <https://bible.optina.ru/new:2kor:12:09> (дата обращения: 19.01.2023).
- 11 Statute of Labourers – Edward III – 1349 CE // Advocatanmoy Law Library. Legal Database. URL: <https://advocatetamoy.com/2021/08/23/statute-of-labourers-edward-iii-1349-ce/> (дата обращения: 18.01.2023).
- 12 The Complete Works of John Gower: in 4 vols. / ed. by G.C. Macaulay. Oxford: Clarendon Press, 1899. Vol. 4: Latin Works. 430 p.
- 13 The Vision and the Creed of Piers Ploughman: in 2 vols. / ed. by Thomas Right. London: Reeves and Turner, 1887. URL: <http://www.gutenberg.org/files/43660/43660-h/43660-h.htm> (дата обращения: 08.01.2020).

References

- 1 Petrushevskii, D.M. "Videniia Lenglanda i sovremennaia emu angliiskaia deistvitel'nost'" ["Langland's Visions and the Contemporary English Reality"]. Lengland, Uill'iam. *Videnie Uill'iam o Petre Pakhare* [William's Vision of Piers Plowman], trans., ed. by D.M. Petrushevskii. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1941, pp. 5–40. (In Russ.)
- 2 Adams, Robert. "The Nature of Need in Piers Plowman XX." *Traditio*, no. 34, 1978, pp. 273–301. (In English)
- 3 Aers, David. "Piers Plowman and Problems in the Perception of Poverty: A Culture in Transition." *Leeds Studies in English*, no. 14, 1983, pp. 5–25. (In English)
- 4 Aers, David. "Piers Plowman: Poverty, Work, and Community." *Community, Gender, and Individual Identity: English Writing, 1360–1430*. London, Routledge, 1988, pp. 20–72. (In English)
- 5 Arnold, David John. *Famine: Social Crisis and Historical Change*. Oxford, Basil Blackwell, 1988. 154 p. (In English)
- 6 Hanska, Jussi. "And the Rich Man also died; and He was buried in Hell." *The Social Ethos in Mendicant Sermons*. Helsinki, Suomen Historiallinen Seura, 1997. 196 p. (In English)
- 7 Hess, Dina Bevin. "Of beggeris and of bidderis what best be to doone?": *The Problem of Poverty in Piers Plowman: PhD Dissertation*. University of Tennessee, 2008. 214 p. (In English)
- 8 Metzler, Irina. *A Social History of Disability in the Middle Ages: Cultural Considerations of Physical Impairment*. New York, London, Routledge, 2013. 346 p. (In English)